

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1960–1967 ГОДАХ

Корни университетского свободомыслия так называемой тоталитарной эпохи с его апофеозом в 1968 г. уходят ко времени образования учебного заведения. Создание НГУ совпало с хрущевской «оттепелью», развязавшей языки и породившей смутные надежды на демократизацию. К тому же Новосибирский научный центр, создававшийся по аналогии с различными секретными «ящиками» и городками, обнесенными колючей проволокой и находящимися под пристальным надзором сотрудников учреждения, названного писателем Вл. Войновичем «не сколько военным, сколько воинственным», не имел этого «колпака». Вернее, он был и осуществлялся путем наружного и внутреннего наблюдения и с помощью оперативно-профилактических мероприятий собирал необходимую информацию, но отсутствие осязаемого контроля порождало флюиды вольнодумства.

Помимо этих, «внешних», предпосылок имелись и внутренние, связанные непосредственно со спецификой формирования университета, студенческого и преподавательского коллективов и всех необходимых для его нормальной жизнедеятельности структур. Создание вуза, ориентированного на подготовку научных кадров, в условиях роста престижа науки способствовало постоянно возрастающему притоку хорошо подготовленной, думающей и самостоятельной молодежи практически из всех уголков СССР, в основном выходцев из «третьего сословия».

По данным приемной комиссии в 1967 г. из 741 зачисленного 76 приехали из Средней Азии и Казахстана, 154 – из Европейской России и Урала, 511 – из различных областей, краев и автономных республик Сибири и Дальнего Востока, в том числе: 172 – из Новосибирска, 73 – из Кемеровской области, 58 – из Алтайского края, 40 – Омской области и т.д. По национальному составу первый курс в том же году был интернационален, хотя русские явно преобладали (597 чел.). За ними шли евреи – 71, украинцы – 24, немцы – 11, татары – 10, по пять корейцев и казахов, по паре азербайджанцев, поляков, армян, по одному молдаванину, коми,

грузину, мордвину, манси, селькупу, буряту, узбеку и белорусу¹. По социальному положению набор 1968 г. дал детей рабочих – 26 %, колхозников – 4 %, служащих – 70 %, приехавших из города – 80 %².

Поэтому постоянной головной болью ректората и парткома становится улучшение социального состава студентов. К тому же после каждой проверки НГУ вышестоящими органами формулировалось это требование. Так, в заключении коллегии Минвуза РСФСР о работе вуза в 1970 г. и в период между XXIII и XXIV съездами КПСС от 2 марта 1971 г. с прискорбием констатировалось, что в 1970 г. зачислено на первый курс только 18 колхозников и детей колхозников, или 2,4 % от числа поступивших³. На заседании парткома 12 января 1973 г. проректор по учебной работе проф. Е. И. Биченков сокрушался по поводу провальных показателей в этой области: только 24 % студентов являлись детьми рабочих и 4 % – колхозников⁴.

Еще одним пороком студентов университета с точки зрения официальной ортодоксии являлся индивидуализм. Выступая на заседании парткома в мае 1963 г., декан ФЕН проф. В. В. Воеводский по этому поводу обтекаемо сказал следующее: «...Когда мы отбираем более способных студентов, то это не значит, что мы отбираем наиболее коллективных»⁵. В справке парткома об идеологической работе (1963 г.) констатировалось, «что у многих еще наших студентов не изжит дух индивидуалиста»⁶.

С другой стороны, арсенал средств по воспитанию молодежи в духе «всепобеждающей и единственно верной марксистско-ленинской идеологии» был крайне ограничен. Основной проводник ее – партийная организация НГУ отличалась малочисленностью, малоавторитет-

¹ ГАНУ. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 294. Л. 26, 27.

² Там же. Ф. п. 5419. Оп. 1. Д. 13, Л. 47.

³ Там же. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 616. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. 5419. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

⁵ Там же. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 66. Л. 49.

⁶ Там же. Д. 101. Л. 4.

ностью и слабыми связями со студентами. В момент открытия, осенью 1959 г. в нее вошло 15 чел., к концу 1967 г. численность достигла 177 членов и кандидатов в члены КПСС, но из них 42 являлись студентами и только 11 профессорами, 18 доцентами⁷. Преподаватели-совместители состояли на партийном учете по месту основной работы – в институтах СО АН и приходили в аудиторию в значительной степени раскрепощенными от груза партийной и административной ответственности, позволяя себе высказывать мысли, далеко отстоящие не только от излагаемых ими дисциплин, но и идеологических догм.

К тому же сама организация не была идеологически однородной. В ней постоянно шел процесс брожения, инспирируемый различного рода событиями внутрипартийной жизни. Так, открытое партийное собрание 27 ноября 1961 г. рассмотрело персональное дело студента-коммуниста Р. А. Чугунова, выступившего в защиту руководителя «антипартийной группы» В. М. Молотова и пославшего в адрес XXII съезда КПСС телеграмму следующего содержания: «Исключать Молотова, значит не поверить мне, молодому коммунисту, что я в состоянии разобраться во всех ошибках Молотова. Мой отец коммунист погиб в 1941 году со словами “За Родину, за Сталина”. В детстве я воспитывался на гимне “Нас вырастил Сталин”. Это был культ личности. Я смог понять его вред, осудить и прийти в 1959 г. в ряды коммунистов. Вся жизнь помню, как Молотов, рыдая, произносил речь над гробом Сталина. Да, он заражен культом личности. Да, он глубоко заблуждается и принес тем огромный вред людям. Это не подлец, не заклятый враг, как Троцкий или Берия. Это не подлец, подхалим и очковтиратель Маленков. Это горячо любимый Молотов, человек, своими руками делавший революцию, сейчас глубоко, но добросовестно заблуждающийся. Помочь ему разобраться [нужно]».

Формально, с точки зрения партийного устава, в деяниях защитника лидера «антипартийной группы» криминала не было. Он индивидуально апеллировал к высшей партийной инстанции, истратив на телеграмму практически всю месячную стипендию. Но кто-то услужливо принес копию в партбюро НГУ, и криминал быстро нашли, поскольку «диссидент» собрал собрание своей академической группы в поддержку опального партийного руководителя. И тогда «за непартийное поведение, выразившееся в организации группового собрания и агитации на нем за поддержку руководителя антипартийной группы Молотова» собрание объявило Р. А. Чугунову выговор «с занесением в личное дело»⁸.

Зато Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. никто защищать не бросился, и на общеуниверситетском партийном собрании по поводу разоблачения проявлений «волонтаризма и субъективизма» Ф. Б. Садыков высказал даже упрек в адрес всемогущего первого секретаря Новосибирского ОК КПСС, вопрошая: «Многих из нас удивляет поведение первого секретаря т. Горячева. Когда интересно, он был искренен; или когда прославлял Хрущева или сейчас»⁹.

Буйным цветом партийный плюрализм расцвел накануне 1968 г., и, выступая на общеуниверситетском партийном собрании, к тому же отчетно-выборном, 19 октября 1967 г. акад. А. Д. Александров четко формулировал проблему: «Обсуждение острых проблем до сих пор требуют от человека чрезвычайного мужества. И наши представители партийных комитетов, призывая к дискуссионным формам работы, должны реально представлять, что весь ученый мир не может состоять из Джордано Бруно, готовых то и дело гореть на разных кострах. Вот меня на одной дискуссии обвинили в домарксовом идеализме. Ну, я-то не боюсь, а другой может испугаться. Если мы всерьез ставим эту проблему, то человек должен быть безопасен от неприятностей»¹⁰.

Коммунисты не очень надрывались по части осуществления своей авангардной роли в коллективе, реализации сыпавших как из рога избылиция постановлений вышестоящих инстанций от ЦК до райкома. Зачастую даже их обсуждение превращалось в пустую формальность. Так, на партийном собрании 11 февраля 1970 г. по итогам очередного пленума в качестве доклада ученым с мировым именем Ю. Б. Румером в компании с ассистентом кафедры истории КПСС О. Г. Новокрещеновой зачитывается текст выступления Л. И. Брежнева на партийном форуме, напечатанный во всех газетах¹¹.

Постоянной проблемой становится подписка на партийную периодику. Например, по состоянию на конец сентября 1962 г. сотрудники, преподаватели и студенты выписали 6 экземпляров партийных газет и журналов. Принципиальных изменений не произошло и в последующем, и в 1971 г. на «Правду» подписалось только четверть партийцев, а из 600 сотрудников ее выписало 17 чел.¹² В справке о состоянии соревнования за коммунистическое отношение к труду за 1963 г. безмятежно и лапидарно констатировалось: «Социалистическое соревнование за коммунистический труд в НГУ не проводилось»¹³.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 68.

¹⁰ Там же. Ф. п. 5419. Оп. 1. Д. 9. Л. 68.

¹¹ Там же. Д. 15. Л. 72.

¹² Там же. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 70. Л. 34; Ф. п. 5419. Оп. 1. Д. 18. Л. 116.

¹³ Там же. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 114. Л. 35.

⁷ ГАНО. Ф. п. 5419. Оп. 1. Д. 9. Л. 82.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 84–85.

В плане идеологического воспитания пытались что-то сделать по административной линии. На заседании ученого совета 25 декабря 1961 г. утверждается план мероприятий по реализации решений XXII съезда КПСС, один пункт которого обязывал деканов факультетов В. В. Воеводского, Р. И. Солоухина и П. П. Беллинского «предусмотреть в учебном плане необходимое количество часов для изучения материалов съезда»¹⁴. Однако, несмотря на постоянно внедряемую в качестве идеологического допинга кафедрами общественных наук крошку из постановлений, цитат классиков, анафем в адрес ревизионистов, оппортунистов, сионистов, советологов и фальсификаторов, студенты и сотрудники имели свое видение окружающего мира и всячески норовили его продемонстрировать, не только с точки зрения содержания, но и формы, являя образцы самого что ни есть многокрасочного плюрализма.

Первые годы существования НГУ пестрят эпизодами типа имевшего место в начале декабря 1962 г. в ДК «Юность», где редакция «Комсомольской правды» проводила диспут «Знания и нравственность». Студент 4-го курса физфака Ю. Никора «в своем выступлении возвел клевету на Советское правительство, на главу партии и государства. А наши комсомольские и партийные активисты не смогли оперативно отреагировать на такое выступление, не дали отпора Никоре»¹⁵.

Организация ВЛКСМ университета и ее активисты – это отдельная глава в истории вуза. Применительно к моему сюжету следует отметить, что они отличались от старших «братьев»-коммунистов более высокой степенью безалаберности, здорового прагматизма и аллергией ко всякого рода ритуально-шаманским действиям в идеологической сфере. Так, торжественное собрание и первомайскую демонстрацию 1965 г. комсомольский актив НГУ во главе с Г. А. Швецовым проигнорировал по причине свадьбы первого секретаря, приуроченной к майским праздникам¹⁶. По итогам обмена комсомольских билетов к началу 1968 г. 3 007 чел. получили новые, а 46 не желали делать этого¹⁷.

Со всех сторон в адрес ректората и партийной организации вуза шли предостережения и сигналы по поводу слишком уж раскованного образа мыслей студентов. В мае 1963 г. член парткома СО АН, профессор, контр-адмирал Г. С. Мигиренко с прямою морского волка вещал на заседании ученого совета: «Нас поражает некоторая “вольность” в суждениях среди студентов. Скажем, проходил ноябрьский пле-

нум ЦК, и сразу у студентов кривотолки. У наших студентов проявляется способность ставить под сомнение решения партии (я не скажу, что всеми студентами, но случаи есть)»¹⁸. А в конце того же года профсоюзный лидер СО АН Н. И. Кабанов прорицал: «Положение в университете в вопросах воспитания, поведения – тревожное. Я просто обращаюсь к вам – усилить влияние на студенчество»¹⁹. Даже в отчете о деятельности НГУ за 1964/65 учебный год его руководство признавалось: «Вместе с тем у отдельных студентов имеются путанные и ошибочные взгляды по отдельным вопросам, особенно в понимании руководящей роли партии в период строительства коммунизма, сущности социалистической демократии и др.»²⁰.

Нельзя сказать, что ректорат и коммунисты совсем уж ничего не делали по части унификации общественного сознания. Вот, например, лаконичная сентенция из протокола заседания партбюро НГУ от 31 марта 1964 г.: «(3) Слушали: о беспартийном содержании некоторых статей газеты “Раскрутаза” (ФЕН). Постановили: газету снять и обсудить ее содержание на комитете ВЛКСМ совместно с членами редколлегии»²¹.

Плюрализм между тем крепчал. Накануне 1968 г. последовательно произошло два события, свидетельствующие о достаточно высокой степени «нагрева» студенчества. В 1966 г., пользуясь лексикой парткома, четверо студентов первого курса механико-математического факультета, «напившись, устроили у дверей общежития заставу, спрашивая – еврей или нет, и пытались бить евреев, но быстро получили отпор от массы студентов»²². В следующем году 15 мая начался массовый и организованный бойкот столовой, ставший «следствием неудовлетворительной работы ее, а также крайне недостаточного внимания АХЧ и общественных организаций университета к вопросам общественного питания»²³. К тому же выяснилось, что действия студентов не были стихийными, но «руководители его неясны». Устанавливать их не стали, спустив дело на тормозах, хотя ректор С. Т. Беляев вынужденно признал: «Активность студентов все время возрастает и опережает роль активности партийной организации»²⁴.

В свете этого становятся понятными события 1968 г., связанные с «надписантами», «подписантами» и прочими диссидентскими выступлениями, имевшими серьезные последствия.

Материал поступил в редколлегию 02.11.2006

¹⁴ ГАНО. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 29. Л. 7.

¹⁵ Там же. Ф. п. 5419. Оп. 1. Д. 2. Л. 90.

¹⁶ Там же. Д. 5. Л. 43.

¹⁷ Там же. Д. 12, Л. 12.

¹⁸ Там же. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 66. Л. 48.

¹⁹ Там же. Д. 114. Л. 3.

²⁰ Там же. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 146. Л. 31.

²¹ Там же. Д. 2. Л. 189.

²² Там же. Ф. п. 5419. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.

²³ Там же. Д. 10. Л. 37.

²⁴ Там же. Л. 45.